

ВОЙНА И ДЕТИ

ДЕТСТВО, ОПАЛЕННОЕ ВОЙНОЙ

Военное детство - горькое, суровое. На плечи мальчишек и девчонок легли тяготы войны. Отцы и старшие братья ушли на фронт. Теперь в помощи ребят нуждались семья, школа, Родина.

Пионеры собирали металлолом, пустые бутылки для зажигательных смесей, шефствовали над красноармейскими семьями. Вечерами серьезно, не ради оценок, изучали в кружках военное дело. Дети сельских школ все лето трудились на полях - косили и силосовали травы, заготавливали веточный корм.

А с какой любовью и старанием пионеры готовили подарки для воинов: любимые книги, вязаные вещи. В ответ с фронта приходили теплые письма:

«Дорогие наши славные, трудолюбивые дети!

Большое вам красноармейское спасибо за подарки. Враг не раз пытался захватить Мурманск и разграбить его, а ваших отцов и матерей, братьев и сестер и вас самих подвергнуть страшному надругательству. Но Красная Армия всегда угощала разбойников сокрушительными ударами, и они откатывались, захлебываясь в собственной поганой крови. Советское Заполярье было, есть и будет советским!».

*Письмо из госпиталя. Пионерка пишет под диктовку раненого бойца.
(Фото из фондов музея МАГУ)*

Война с каждым днем становилась все ожесточеннее. С фронта поступали раненые. Открывались новые госпитали. Дети сразу стали желанными гостями раненых бойцов и настоящими помощниками в госпиталях. Пионеры кололи дрова, чинили белье, писали письма тяжелобольным. Детская ласка, внимание, забота были лучшими лекарствами для бойцов и помогали им поправляться.

Бесстрашные мальчишки становились бойцами противовоздушной обороны. Сколько надо иметь смелости, чтобы во время налета не прятаться в убежище, а стоять под обстрелом, среди грохота, пожарищ и тушить зажигательные бомбы!

Самые отважные, самые настойчивые ребята умудрялись попасть в действующую армию или во флот.

ШКОЛА НА СОЛОВКАХ

Юнга на флоте - подросток, готовящийся стать матросом. Это мальчишка, который страстно любит море и ради морской романтики готов беспрекословно выполнять любые, порой тяжелые и рискованные работы на судне. Многие знаменитые мореплаватели прошли суровую школу юнг: например, прославленный английский адмирал Нельсон, известный полярный капитан В.И. Воронин, адмирал Герой Советского Союза И.С. Юмашев и другие. На поморских судах до революции вместо юнг были зуйки.

В приказе командующего Северным флотом № 0366 от 11 июля 1942 года говорится:

«1. Сформировать Школу юнг Военно-Морского Флота при Учебном отряде с дислокацией на Соловецких островах.

2. Школу юнг ВМФ подчинить командиру Учебного отряда.

Плановые занятия начать с 1-го сентября 1942 года».

Матросская лента доставалась юнгам дорогой ценой. Права носить ее не давало одно лишь горячее желание служить на флоте и сражаться с врагом.

Сначала была бескозырка, которая выглядела до обиды странно и неестественно, потому что ей не полагалось еще непременно матросской ленточки.

Была необмывшаяся, стоящая коробом роба, тяжелые, великоватые ботинки.

Были землянки по одной на взвод - их долбили ломиками в неуступчивой северной земле.

Был подъем в пять утра.

Зарядка на холоде.

Скудный харч военных времен.

И тяжелое флотское ученье.

Все это называлось «Школа юнг».

- ...Весла на воду! И-и-и - раз! Навались! Вместе грести!

- ...Разобрать шкерты! Вяжем рифовый узел. Попроторней! А теперь лебедочный. Так. Удавка со змейкой...

- ... А где находится каждый клапан системы воздуха высокого давления, юнга должен знать так же точно, как вчера знал, где стоит сметана у бабушки.

- ...Надеть противогазы! До леса и обратно - бегом марш! Не отставать, юнги! Будьте моряками!

Школа юнг.

Грозные мичманы вместо ласковых матерей.

Строевые занятия, вахты, экзамены по специальности, шлюпочные гонки.

Вечная пустота в желудке и кровавые мозоли на узких мальчишечьих ладонях.

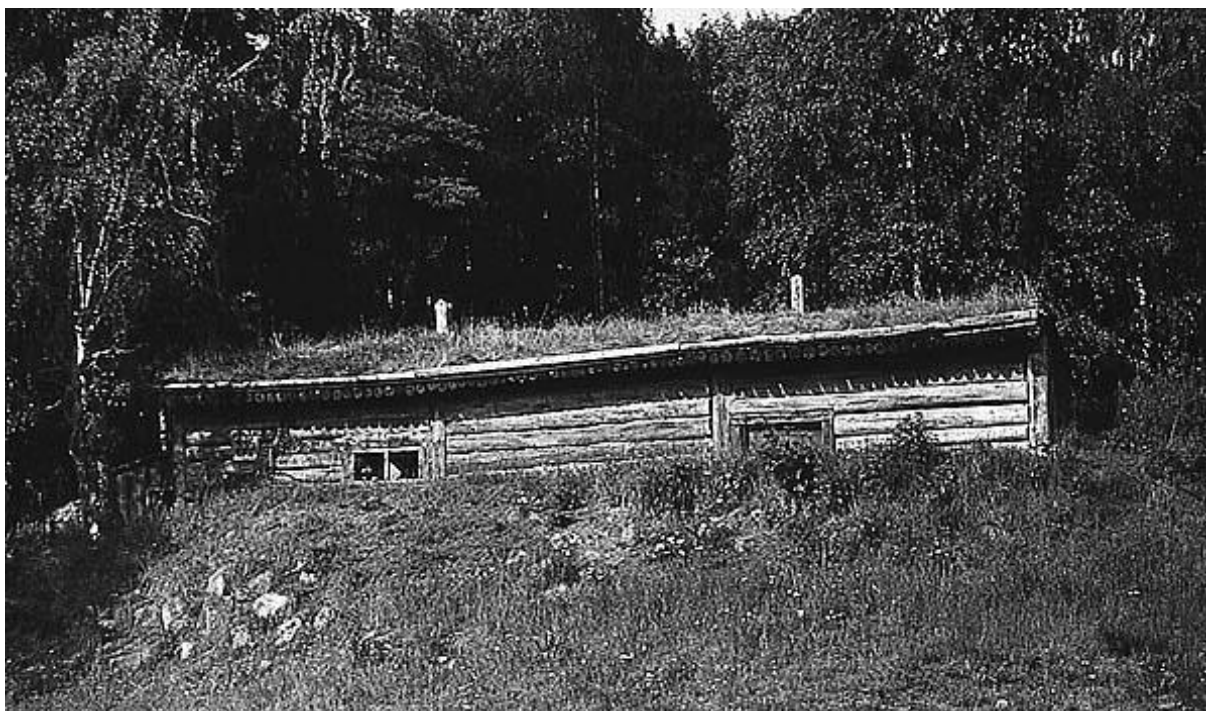
Будьте моряками, юнги!

И они становились моряками. Они воевали и на подводных лодках, и на «морских охотниках», и на торпедных катерах, и на эсминцах.

О своей жизни они потом расскажут сами. Бывший юнга Виталий Григорьевич Гузанов вспоминает: «Мы разбили палатки. Зима, как говорится, на носу. Надо было строить землянки. Не одним нам, конечно, приходилось вкалывать. Помогали и курсанты Учебного отряда. Выбирали и валили высоченные сосны. Особенно мучались с кряжистыми бревнами, чтобы вытащить их к просеке... Приходилось копать землю. Лопатой землю не возьмешь. Она мерзлая, твердая. А на что лом? Долбим железякой, а земля - по-прежнему не поддается...»

Школу юнг Северного флота окончили многие известные сегодня всей стране люди: писатель Валентин Саввич Пикуль, народный артист СССР оперный певец Борис Тимофеевич Штоколов, ученый-археолог Геральд Николаевич Матюшин, профессиональный военный, адмирал, Герой Советского Союза Вадим Константинович Коробов, всех не перечислить.

В 2012 году вся страна отмечала 70-летие знаменитой школы юнг на Соловках.

*Землянка, где жили юнги.
(Фото из фондов музея МАГУ)*

Обучение на рулевых

Смерть немцам оккупантам!

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА

СВИДЕТЕЛЬСТВО

ШКОЛА ЮНГОВ СФ настоящим свидетельствует, что Вершинин
Геннадий Георгиевич
окончил полный теоретический курс школы по специальности Военно-морское
дело и выпущен по 1 разряду, выполнил все требования,
предназначенные программами по нижеследующим предметам с оценками:

Специальные предметы	1. Учение в школе	5
	2. Военное искусство	5
	3. Военно-морское дело	5
	4. Военно-морское дело	5
	5. Военно-морское дело	5
	6.	
	7. Военно-морское дело	5
	8. Политическая	5
	9. Стрелковая и тактическая подготовка	5
	10. Стрелковая подготовка	5
Общеобразовательные предметы	11. Уставы	5
	12. Русский язык	5
	13. Математика	5
	14. Физика	5
	15. География	5
	16. Черчение	5
	17. Дисциплина	5

Вышеизложенное подписью с приложением печати удостоверяется.

ОСНОВАНИЕ: Акт комиссии № 2 от В.И.Иванов 1944 г.,
утвержденный Военным Советом Северного флота.

НАЧАЛЬНИК ШКОЛЫ ЮНГОВ СФ
КАПИТАН 1-го ранга
В.И.Иванов 1944 г.

(САДОВ)
№ 1006

Свидетельство об окончании школы юнг.
(Фото из фондов музея МАГУ)

*Юнги Северного флота.
(Фото из фондов музея МАГУ)*

*Встреча ветеранов Соловецкой школы юнг ВМФ.
(Фото из фондов музея МАГУ)*

СЛОВО О ЮНГАХ

Перед этой бескозыркой, висящей в Музее КСФ, останавливаются, как перед приспущенным знаменем. Торжественно-горькие падают в устоявшуюся тишину слова:

- ...Море стало ему могилой и вечным памятником.

На бескозырке черно-желтая гвардейская ленточка. Золотые буквы: «Подводные силы Северного флота».

Подводник, четверть века назад носивший эту бескозырку, мужественно и достойно сражался с врагом.

Его воинская доблесть была отмечена боевыми наградами.

Рядом с бескозыркой висит на стене листок бумаги, густо исписанный неровным почерком, пожелавший от времени.

Письмо с войны.

«...Я сейчас нахожусь с дядей Ваней Колышкиным вместе, и живу у него в комнате...»

Всех удивляет это. В письме командир прославленной бригады подводных лодок капитан I ранга И. Колышкин назван «дядей Ваней».

Колышкин. Человек, шагнувший в легенду. Строгий, даже суровый командир.

И вдруг - дядя Ваня.

Боевому подводнику, написавшему это письмо, было всего лишь пятнадцать лет. Звали его Дима Гомлин. Он служил юнгой подплава.

Ребята попадали на флот по-разному.

Семья получила похоронную. Отец погиб на войне. Сын его, вихрастый босоногий мальчишка, вскоре начинает уговаривать убитую горем мать отпустить его на флот. В словах его, даже в голосе, чувствуется неожиданное мужское упорство. И мать, поседевшая от горя, понимает, что парня не удержать.

А этот услышал от проезжего моряка про школу юнг, оставил записку: «Еду бить фашистов» - и убежал из дому. Его снимали с крыш вагонов, отправляли назад. Но мальчишка, как стрелка компаса, опять поворачивал на Север, туда, где «учат на моряков».

...Есть предметы, словно сохраняющие в себе кусочек времени, которому принадлежали. Они обладают чудесным свойством.

Они открывают окошко, через которое заглядываем мы в прошлое.

Такова хранящаяся в музее бескозырка Димы Гомлина. Можно представить, с какой радостью надел ее паренек, как гордился полосатой гвардейской ленточкой.

...Юнга Ваня Макаров. Круглые щеки. Пухлые, совсем еще детские губы. Коротко остриженные и, наверное, мягкие волосы. Таких мальчиков взрослые любят гладить по голове.

На груди у этого мальчика медали, добытые в боях.

...По сигналу боевой тревоги гвардейский дивизион «малых охотников за подводными лодками» вышел в квадрат, где была обнаружена фашистская субмарина.

Поиск был трудным. Вражеская подводная лодка затаилась в глубине.

«Охотник» неумоимо утюжил море. И вот, наконец, гидроакустик матрос Николай Войцеховский радостно выкрикнул долгожданное:

- Слышу шум винтов!

Лодка заметалась. Но контакт был прочным. Гидроакустик четко выдавал данные. Рулевой мгновенно выполнял приказы командира корабля гвардии старшего лейтенанта Николая Танского, которому вскоре после этого боя было присвоено звание Героя Советского Союза.

«Охотник» настиг подводную лодку и пошел в атаку. Рулевой точно удерживал корабль на заданном курсе.

- Пли!

В пенистую кильватерную струю полетела тяжелая глубинная бомба.

Долго еще продолжался бой. И вот, наконец, после точного удара «морского охотника» из-под воды вырвался фонтан соляра, всплыли обломки дерева, куски пробки.

Врагу не удалось уйти от расплаты.

Многое в этом бою зависело от выдержки и умения рулевого. Если бы он неточно или медленно выполнил хоть одну команду, лодка могла бы уйти. И рулевой, как это отметил после боя Николай Танский, действовал мужественно, хладнокровно и четко.

За штурвалом «морского охотника» в бою стоял юнга Михаил Волков.

...Дима Гомлин, бескозырка которого висит в музее, воевал недолго, но успел отличиться, получить награды. Какие боевые дела сумел бы он еще совершить? Какую жизнь прожил бы? Об этом не дано узнать.

Не раз выходил Дима Гомлин на подводной лодке в море, навстречу врагу. Лодка топила фашистские корабли.

И в эти победы была вложена частица мужества и доблести юнги.

Но о своих боевых делах Дима не писал в письмах. О своих заслугах он даже не упоминал.

Сообщал Дима домой о вещах самых обычных: «...Кормят хорошо. Погода теплая. Тороплюсь в кино, скоро зайдет за мной дядя Ваня».

Подводная лодка, на которой служил юнга Дмитрий Гомлин, погибла в бою с врагом.

Говорят, что во время войны на могилы моряков клали, как венки, бескозырки. Для Димы Гомлина могилой и вечным памятником стало море.

А бескозырка его висит в музее, рядом с боевыми знаменами. И сама она - как маленькое знамя.

Юнга В. Моисеенко

*Юнга В. Солдатов
(Фото из фондов музея МАГУ)*

Юнга В. Храбрых

*Член военного совета контр-адмирал А. Николаев, начальник политотдела гарнизона соловецких полков Н. Гришионов и начальник Соловецких гарнизонов береговой службы П. Броневицкий беседуют с юнгами.
(Фото из фондов музея МАГУ)*

*Начальник школы юнг капитан Гранга Н.Ю. Авраамов
на шлюпочных учениях с юнгой Юрой Павловым.
(Фото из фондов музея МАГУ)*

*Дневальный у кубрика.
(Фото из фондов музея МАГУ)*

*Юнги-боцманы на занятиях по специальности. 1944 год.
(Фото из фондов музея МАГУ)*

*Памятник юнгам, погибшим в годы Великой Отечественной войны.
Соловки. Открыт в 1972 г.
(Фото из фондов музея МАГУ)*

САША КОВАЛЕВ

Трудная судьба выпала на долю ленинградского мальчишки Саши Ковалева. В 10 лет он остался без родителей. В годы сталинского беззакония и произвола они были безвинно арестованы и расстреляны. Такую душевную травму пережить не просто. Сашу усыновила семья морского офицера Н. Ковалева, служившего в Архангельске. Так Саша попал на Север. Здесь и возникла у него любовь к морю. Он мечтал стать мотористом-катерником. Поэтому Саша Ковалев оказался в Школе юнг ВМФ.

Жизнерадостный и общительный подросток пришелся по душе своим сверстникам. Сашу отличали трудолюбие и хорошие способности. Курсант быстро освоил специальности моториста, сигнальщика, пулеметчика. Школу юнг Саша окончил в 1943 году с отличным дипломом.

Военную службу С. Ковалев начал на эсминце «Громкий», который охранял транспорты союзников, идущих в Мурманск, и Архангельск. В январе 1944 года на Северном флоте формируется бригада торпедных катеров. По всему флоту начали собирать катерников. Особенно не хватало мотористов. 37 выпускников Соловецкой школы попали в эту бригаду. Тогда и сбылась мечта Саши. Он был назначен учеником моториста на торпедный катер ТКА-209.

Катер - самое маленькое военное судно, скорлупка в необъятном море. Достается ему на высокой волне. Зато нет на флоте корабля быстрее. Ну а точные торпедные залпы катерников-североморцев фашисты уже хорошо знали.

Боевое крещение Саша Ковалев получил в апреле 1944 года. Катер, на котором он служил, потопил вражеский транспорт водоизмещением 8 тысяч тонн. Корабли охраны обрушили огонь на дерзкое суденышко. В неравном бою тяжело ранили сигнальщика. Командир А.И. Кисов вызвал наверх из моторного отсека Сашу Ковалева. Самое высокое место на палубе катера - пулеметная турель. Туда и забрался юнга.

Представьте себя на месте этого смелого парня. С бешеной скоростью несется катер. Пронизывает холодный ветер. Рядом взрываются вражеские снаряды... Саша Ковалев с честью выполнил трудное задание. Он быстро и точно сообщал командиру о маневрах фашистских судов, о трассах вражеских снарядов. Умело маневрируя, ТКА-209, весь изрешеченный осколками, сумел уйти от прямых попаданий.

За этот бой командир катера старший лейтенант А.И. Кисов был награжден орденом Боевого Красного Знамени, а юнга Саша Ковалев - орденом Красной Звезды.

8 мая 1944 года был последний бой юнги Саши Ковалева... Маленький катер смело атаковал корабли противника. Фашисты вели заградительный

огонь. Казалось, море кипело от взрывов, но катер не менял курса. Саша в моторном отсеке, у «сердца» корабля. Юнга хорошо представляет, что происходит наверху. Вот катер сделал рывок. Это торпеды вышли из аппаратов. Секунды томительного ожидания и - грохот. «Молодец командир, - думает Саша, - торпеды попали в цель». Теперь самое трудное. Катер надо развернуть, поставить дымовую завесу и, набрав скорость, уйти от преследования.

Сейчас от них, мотористов, зависит исход боя.

Вражеские суда обстреливают маленький катер. А тут еще фашистские штурмовики... Неожиданно резкий удар потряс катер. Юнга ударился головой и на секунду потерял сознание. Очнулся - кругом туман. Пахло бензином, маслом. Острая боль пронзила руку. И тут он увидел, как из пробитого осколками коллектора бьют две сильные струи. «Вот откуда пар и масло!» - догадался Саша.

Командир приказывал: «Самый полный вперед!» Но скорость катера падала. Юнга понимал, что при такой аварии надо срочно останавливать катер, иначе произойдет взрыв. Но остановка катера в бою равносильна гибели. Что делать?

Саша нашел выход.

Закусив до крови тубы, он бросился вперед и грудью закрыл пробойну коллектора. Кипящая вода и масло обожгли тело.

Невыносимая боль мутила сознание. Но юнга думал о другом: «Лишь бы не упасть, лишь бы суметь выстоять до конца...» В моторный отсек спустились матросы, встревоженные падением скорости катера. Они оказали помощь юнге, устранили аварию...

Юнга Саша Ковалев трагически погиб на следующий день - 9 мая, ровно за год до великой Победы. Изрешеченный в бою катер шел на капитальный ремонт. Неожиданно на корме взорвались баки с бензином. Сильной ударной волной сорвало пушку, которая своей тяжестью придавила в одном из отсеков судна механика Д.Д. Капралова и моториста Сашу Ковалева. Мгновенно распространившийся огонь помешал спасти моряков.

Воевал Саша всего неполных три месяца, но за это время успел принять участие в 14 боевых походах, получил за смелость и отвагу три боевых награды Родины. Приказом командующего Северным флотом от 27 мая 1944 года комсомолец А. Ковалев за подвиг во время боя 8 мая посмертно награжден орденом Отечественной войны первой степени. Четвертую награду юнга не получил...

Но золотом начертано название «Саша Ковалев» на борту теплохода морского пароходства Мурманска. Есть улицы его имени в заполярной столице, а также в Североморске и в поселке одного из Соловецких островов. В Североморске открыт памятник с бюстом юного героя. Средства на его строительство собраны молодежью нашего города, воинами-североморцами и бывшими юнгами-соловчанами. Короткую, но красивую, достойную жизнь прожил юнга Саша Ковалев. Память о нем всегда будет жить в сердцах северян.

*Торпедный катер с 533-мм торпедой на борту.
(Фото из фондов музея МАГУ)*

*Командир бригады торпедных катеров Северного флота А.В. Кузьмин вручает орден Красной Звезды юнге Саше Ковалёву. 1 мая 1944 года.
(Фото из фондов музея МАГУ)*

*Памятный знак. Город Островной Мурманской области.
(Фото из фондов музея МАГУ)*

ОПЕРАЦИЯ «ПРОДОВОЛЬСТВИЕ»

Голодным был в Мурманске 1942 год. И хотя ловили рыбу, посылали в тундру группы охотников и даже выращивали прямо в центре города на пожарах картофель, лук и капусту, еды не хватало. Вот тогда-то снарядили мурманчане специальную экспедицию на острова Новой Земли. На этих островах собирается огромное количество птиц. Там они откладывают яйца. Птиц так много, что в воздухе постоянно стоит гул от их криков. А называются такие места птичьими базарами.

Руководил экспедицией кандидат биологических наук Лев Осипович Белопольский, опытный ученый-орнитолог (орнитолог - ученый, изучающий птиц). Много желающих отправиться в эту экспедицию было среди мурманских школьников. Но отобрали самых сильных и крепких парней.

В июне 1942 года в глубокой тайне готовились к отходу от мурманского пирса два небольших деревянных суденышка – «Осетр» и «Исследователь». Тридцать мужественных мальчишек плыли на Новую Землю собирать на птичьих базарах яйца кайры. Задача, что и говорить, стояла трудная.

Л.О. Белопольский. (Фото из фондов архива МАГУ)

Во время очередного налета, под вой пикирующих самолетов и грохот рвущихся бомб, капитаны судов дали команду: «Полный вперед!».

Множество опасностей подстерегало их в пути. В море можно было встретить вражеские подводные лодки и боевые корабли. На островах не раз высаживались группы немецких солдат. Но голод заставлял рисковать детьми.

На одиннадцатый день ребята услышали радостный голос впередсмотрящего: «Земля!». Все бросились на палубу. Сотни тысяч птиц облепили прибрежные скалы так, что самих скал не было видно. «Вот здорово! - радостно, возбужденно говорили мальчишки. - Здесь, наверно, столько яиц!»

Не просто было собирать яйца на пронизывающем ветру, ползая по крутым северным склонам. Работали по 10-14 часов в сутки. Уставали они страшно. Для безопасности участники экспедиции надевали пожарные пояса. К кольцу пояса привязывали веревку, которую держал кто-нибудь на верху скалы, чтобы не сорвался в море тот, кто собирал яйца. Веревка служила сигналом. Набрав в корзину 250 яиц, «скалолаз» дергал веревку. Корзину поднимали вверх, вместо нее опускали новую. И так целый день.

Редко приходили на Новую Землю вести из дома. Да и те тревожные.

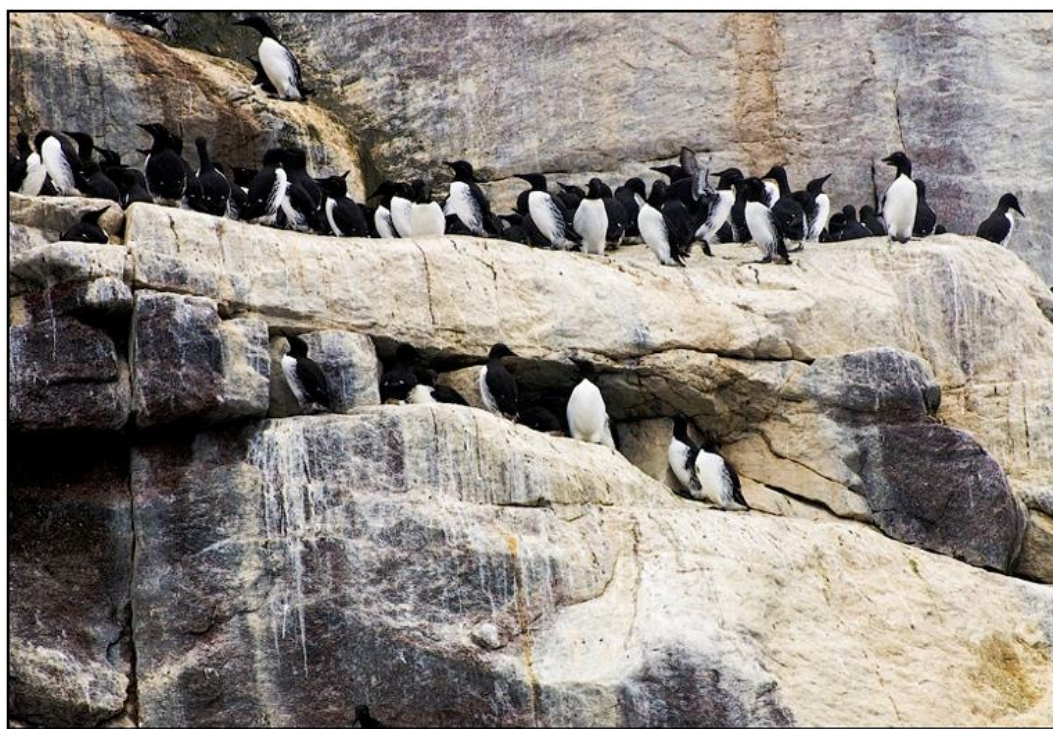
Мурманск по-прежнему бомбили, фашисты рвались к Сталинграду.

Война напоминала о себе и здесь, в Арктике. Иногда доносилась канонада морских сражений. Однажды над палаткой ребят пролетел вражеский самолет и выпустил пулеметную очередь. К счастью, никого не задело.

В августе работу закончили. Трюмы кораблей были заполнены. Ребята вернулись в родной город. И на другой день в госпиталях и столовых Мурманска появились яичницы и омлеты. Долго вспоминали люди добрым словом школьников, благодаря которым мурманчане получили значительную прибавку к пайку в то тяжелое время. Так в годы войны помогали взрослым отважные мальчишки.

Кайра. (Фото из фондов архива МАГУ)

Птичий базар. (Фото из фондов архива МАГУ)

ДУБОЧЕК

I

Жил на улице Рабочей в городе Мурманске пятилетний мальчик. Звали его по-разному, кто как. Отец - он плавал в тралфлоте - с гордостью Иваном. А мама с бабой Аней, маминой мамой, величали его Ваняткой. Отец в честь рождения сына привез со своей родины, Кубани, саженец дуба. Вез он его в кадке, которую сам же и смастерил. Вот в этой самой кадке с землей Кубани и посадили дубок под окном своей квартиры. А чтобы он не замерзал лютой зимой, отец сколотил деревянный короб и утеплил его.

Вместе с дубочком рос и Ванятка. Когда ему исполнилось четыре года, отец сказал ему:

- Пора самому, сынок, следить за дубком. Да поласковой с ним. Он ведь живой...

И не было с того дня утра, чтоб Ванятка не подошел к нему, не погладил его узорчатые листочки.

Был у Ванятки старший брат Пашка. Ему недавно исполнилось десять лет. А вот самый маленький братишка Ваняткин был в это лето далеко-далеко, аж на самой Кубани. Он только что родился, и мама, само собой, находилась рядом с ним. Да к тому же еще ей приходилось ухаживать там за отцовой мамой.

Ванятка с Пашкой и бабой Аней должны были поехать к ним, как только придет с моря отец. Отец-то с моря пришел, да вот не поехали: началась война. И отец пошел воевать.

Провожали его всей семьей. Баба Аня рыдала в волос. Отец обнял ее:

- Да не плачьте вы, ей-богу. Не навек же прощаемся. Скоро вернусь...

Пашка крепился: как же - школьник, да и не мужское это дело - плакать. А Ванятка плакал. Отец с бабой Аней и Ваняткой простился, на дощатом тротуаре у крыльца. А Пашка пошел вместе с ним на городской стадион, куда шли толпы хмурых людей.

Ванятка с бабой Аней стояли у крыльца и смотрели на удаляющегося отца, такого большого и сильного. Но с каждым шагом он становился все меньше и меньше, пока совсем не исчез из виду. Баба Аня не скрывала слез. На ее сморщенное лицо больно было смотреть.

Солнце светило тускло. С севера, со стороны залива, на город двигались тяжелые, черные с белым отливом тучи. Они вскоре проглотили солнце, закрыли горизонт. Пошел мелкий холодный дождь. Подул порывами арктический ветер. Стало совсем холодно.

Баба Аня вытерла мокрое лицо концом шали, сказала горестно:

- Пойдем в дом, Ванятка. Теперь некому нас пожалеть, защитить...

- А я? - обиделся Ванятка. - Я уже большой! Я даже как-то Пашку побил один раз.

Баба Аня ничего не сказала, а взяла внука за слабые ручонки и повела было в дом, да Ванятка вырываться начал.

- Что такое? - удивилась баба Аня.

А внучек уже подбежал к дубочку, склонился над ним. Начал гладить мокрые от дождя и холодные от ветра листики. Он вовремя вспомнил слова отца при расставании. Отец поднял Ванятку на руки, поцеловал и произнес ласково:

- Иван, ты уже стал совсем большой. Теперь смотри за бабой Аней. Да дубок не забывай. Понял? Вижу, что понял. Да и не хнычь, крепись и защищай их.

Военное детство. (Фото из фондов архива МАГУ)

II

Летом Мурманск исходил пожарами. Кипел взрывами, задышался гарью. Жарко пылали деревянные дома и тротуары, вспучивалась земля, смертельно брызгала гранитными глыбами, жидким торфом, обломками домов и строений. Все это взлетало в свинцовую облачность. А потом падало на вспененную землю, обжигая чистые глазницы озер, разбросанных по городу, как родинки на круглом лице бабы Ани.

Мощная волна фашистских самолетов накатывалась на город со стороны залива. Самолеты зависали над вокзалом и портом. Торопливо сбрасывали бомбы и воровски исчезали во мраке низких туч. Но почти сразу же появлялись другие. Бомбы падали на жилые дома. И тогда пылал весь город. В полярном небе - сплошной гул самолетов. Залив оглашался надрывным ревом сирен паровозов, на железнодорожной станции пронзительно свистели паровозы.

А в часы затишья по улицам города шли и шли бойцы...

- И куда они идут? - сокрушалась баба Аня и сама же отвечала: - На смерть. Куда ж еще?!

Вытирала мокрые от слез глаза и горестно вздыхала:

- Может, и наш вот так же где-то идет и не знает, бедолага, что с ним станет. Да и кто знает?

Бомбили днем, а ночи стояли тихие, солнечные. Дул теплый ветер с юга, разгонял тучи, растворял дневную гарь, висевшую над городом и заливом. И, если бы не обугленные трубы сгоревших дотла домов да рваные воронки от бомб, ни за что не поверил, что идет война.

Каждый вечер после ужина Ванятка выбегал из дома и шел к дубочку. Дубок за пять лет заметно вырос, окреп и радовал глаза зеленью растопыренных пальцев-листьев. Ванятка вздыхал: таким дубок был до бомбежки. А сейчас молодые листья дубка почернели, мстительно свернулись в тугие маленькие трубочки, крепко прижались к опаленным стебелькам.

Ванятка приседал, гладил обуглившиеся листочки, вытирал набегающие на глаза слезы. Он хотел развернуть листики, вдохнуть в них жизнь, но тугие комочки лопались в его руке и просыпались на опаленную землю мелким ручейком сухой трухи.

На крыльце появлялась баба Аня и звала:

- Пора спать, Ванятка. Иди, родимый мой!

Ванятка с трудом отрывался от дубка и шел спать, думая об отце.

III

Ванятке приснился отец. Он держал его на руках и время от времени подбрасывал к самому потолку. Ванятке было боязно и радостно одновременно. Он смеялся заливисто и громко, а рядом стояла светловолосая мать и всплескивала руками, говоря:

- Ой, Федор, только не урони! Ой, Федор...

А отец, возбужденный и сияющий, все подбрасывал и подбрасывал сына до тех самых пор, пока Ванятка не проснулся. И было ему в то утро и днем, до бомбежки, светло и покойно на душе...

Пашка в тот день, как впрочем, и в другие дни, ловил по городу шпионов и диверсантов. И когда началась бомбежка, он побежал домой. Он уже был совсем рядом от улицы Рабочей, как раздался огромной силы взрыв, и пламя полыхнуло совсем рядом с его домом. «Неужели в наш угодило?» - ужаснулся он и побежал еще быстрее.

Он бежал, что есть духу, по еще целому дощатому тротуару, а навстречу ему спешили обезумевшие от страха старушки. «Куда это они?» - удивился Пашка и завернул за угол, где начиналась его Рабочая улица.

Опять рвануло так, что его швырнуло на тротуар. Падая, он больно ушиб колено о валун, торчащий рядом. В глубине домов слышались истошные крики и вопли. Пашка поднялся и побежал на крики: там же баба Аня и Ванятка!

Из переулка, со стороны горящего дома, выбежал мальчик. Он отчаянно кричал, размахивая окровавленной рукой. И вдруг застыл на месте, и его тоненький голосочек прорезал горячий воздух:

- Ма-а-а-а-м-а...

А потом снова, но тише и умоляюще:

- Ма-а-м-а...

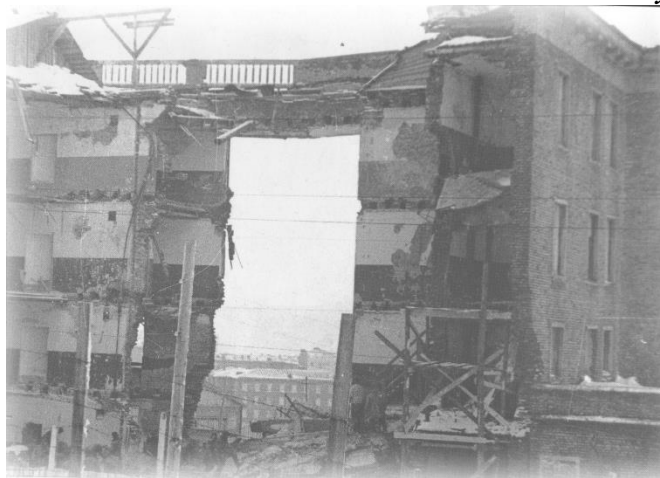
Он еще какое-то мгновение стоял с открытым ртом, а потом медленно-медленно начал клониться к земле. И вдруг повалился на дымящийся тротуар.

Пашка узнал в этом мальчике своего брата Ванятку. И рванулся к нему. Когда он подбежал, то увидел, что сраженный насмерть Ванятка лежит на грязных обугленных досках тротуара, и на его пухленьких губах застыл безмолвный зов: ма-ма...

Алая кровь тонкой струйкой сочилась из-под лопатки по белой Ваняткиной рубашке па тлеющий тротуар. А между его обгорелыми досками зеленел уцелевшими листочками опрокинутый из кадки Ваняткин дубок.

Воздушный бой над Мурманском. 1942 г.

*Разрушенная школа № 19
на ул. Полярные Зори.
(Фото из фондов архива МАГУ)*

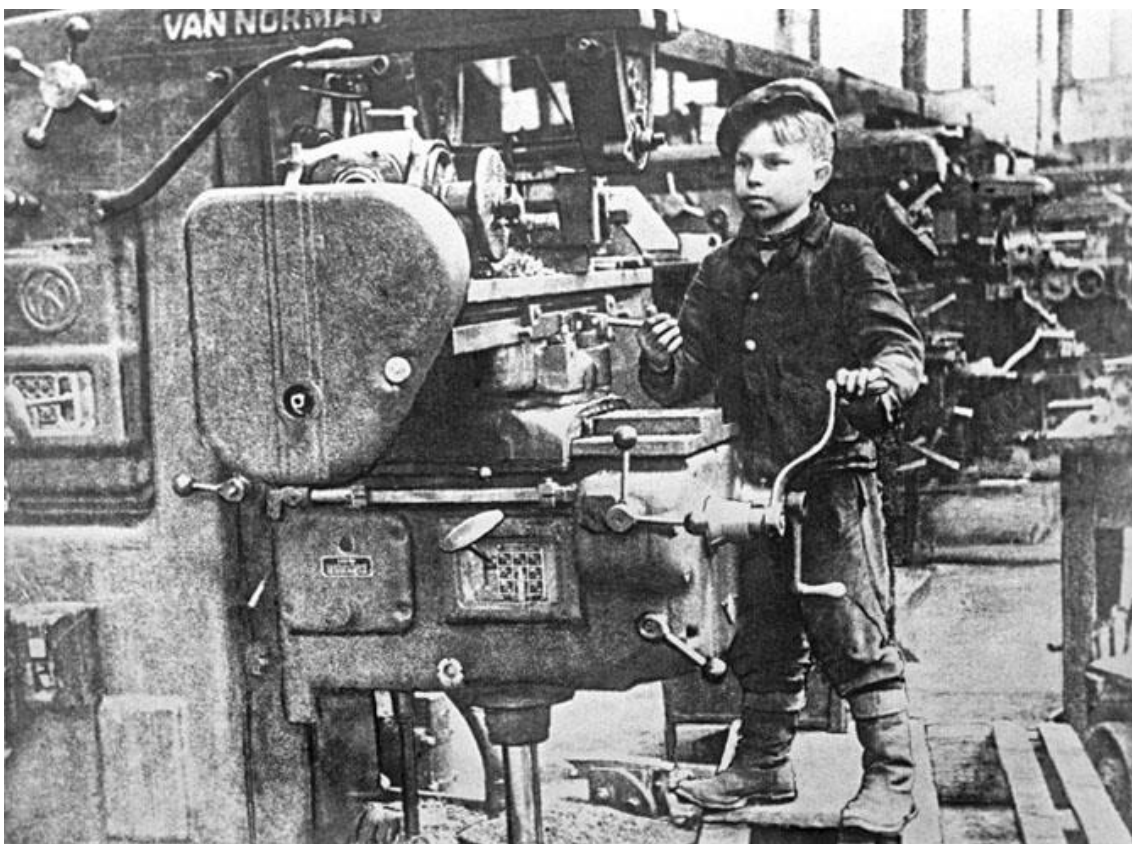
*Панорама центральной части
Мурманска после очередного
налета. Видны пожары в порту*

*Раненые дети в госпитале.
(Фото из фондов архива МАГУ)*

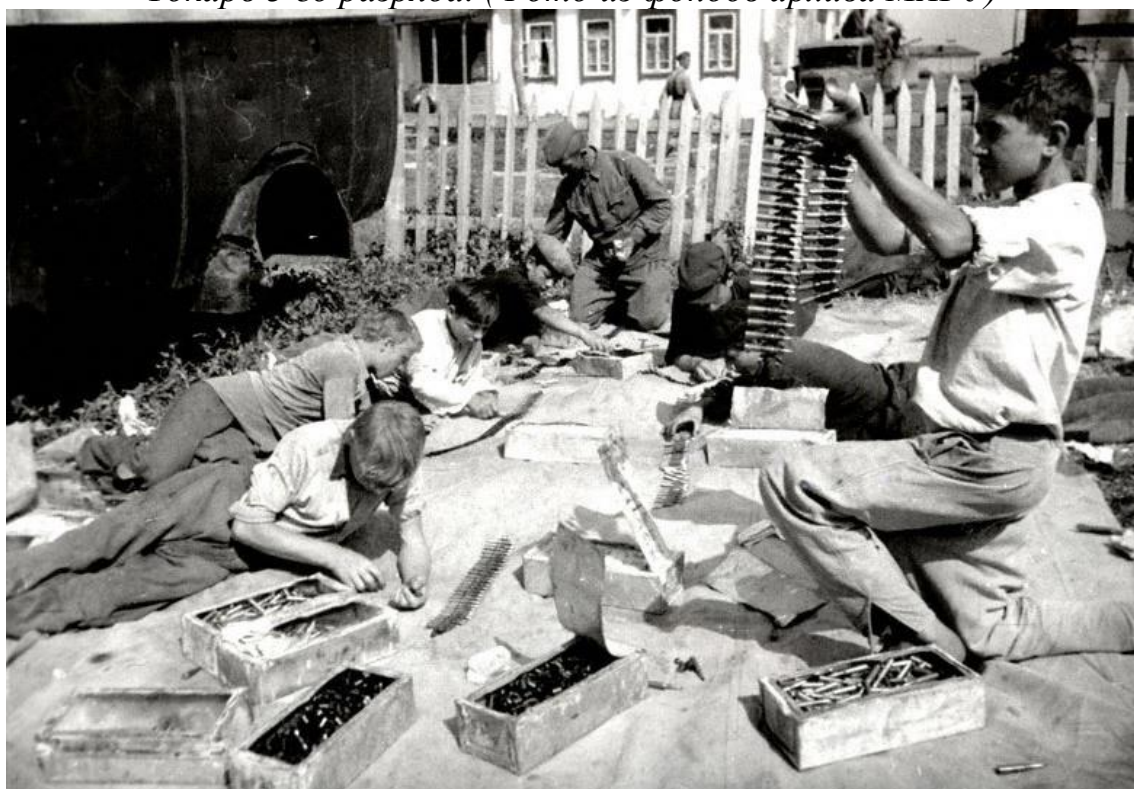
*Сбор урожая картошки в разбомбленных городских кварталах
(угол ул. Профсоюзов и С. Перовской). (Фото из фондов архива МАГУ)*

На моторостроительном заводе. (Фото из фондов архива МАГУ)

Токарь 3-го разряда. (Фото из фондов архива МАГУ)

Ученики школы прифронтового села за набивкой патронных лент для советской авиачасти. (Фото из фондов архива МАГУ)

На сборке автоматов. (Фото из фондов архива МАГУ)

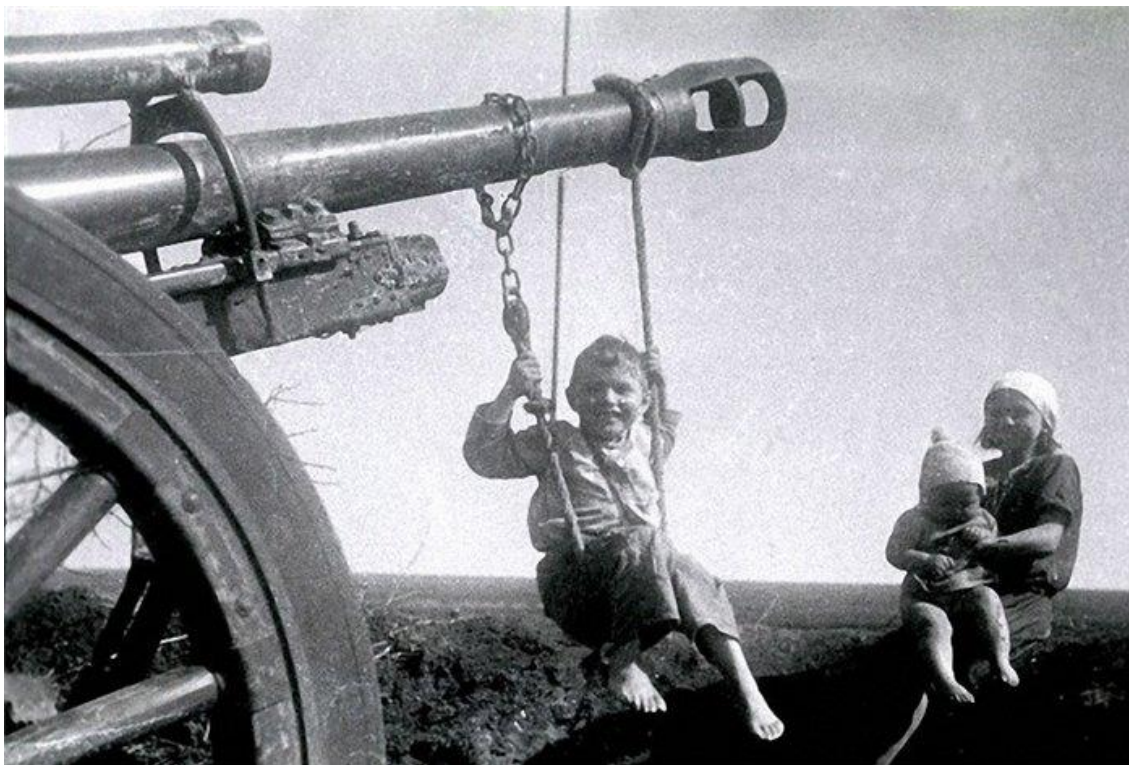

Война в войну. (Фото из фондов архива МАГУ)

*Дети играют на одной из улиц военного города.
(Фото из фондов архива МАГУ)*

На качелях. (Фото из фондов архива МАГУ)

ЗАМЕТЫ ПАМЯТИ

Когда началась война, мне было семь лет. Жили мы в Краснощелье. Помню проводы на фронт.

Ополченцы уходили пешком из Краснощелья в Ловозеро. Мы с девочками долго брели берегом за ними, а потом махали им вслед. Возвращались, построившись колонной. Я запеваляла: «Там вдали за рекой...»

К нам в село немцы не дошли, а вот самолеты над селом летали. И мы знали, что самолеты с черными крестами - это немцы. Когда пролетали наши самолеты, мальчишки кричали: «Красные крылья. Наши!», а когда пролетали немецкие, то мы все зарывались в сугробы, как будто сугроб мог нас защитить от пуль. Однажды, подбитый немцами, наш самолет упал в трясину болота недалеко от Краснощелья. Летчиков вызволили, и они неделю жили в селе. У одного из них оказалась газета с напечатанным «Василием Теркиным». Вечером на сцене нашего клуба водружалась табуретка. Я садилась и читала «Теркина» своим постоянным слушателям-краснощельцам. Помню тишину зала и смех после лихих реплик Теркина. После чтения мое место на табуретке занимал патефон и начинались танцы.

Нас тогда учила Александра Григорьевна Сухих. Она вела одновременно два класса - первый и третий. Мы (третьеклассники) выполняли самостоятельно упражнение, а в первом классе ребята под диктовку учителя писали короткие предложения. И тут же Александра Григорьевна проверяла написанное.

Александра Григорьевна запомнилась мне красавицей: тонкая талия, легкая в походке, отзывчивая на шутку и меткое слово, она просто убедила нас,

что если мы учимся плохо, то помогаем фашистам. Они хотят, чтобы мы росли неграмотными, неразмышляющими, покорными: им нужны рабы. Рабами быть мы не хотели.

Мы много читали. Мне была поручена школьная библиотека. Школьные праздники готовили вместе. Помню, мы с подружкой разучили нами же выдуманный танец. Надо знать, что школьная форма строго соблюдалась. На нас было платье из коричневой бумажейки, черный сатиновый фартук, грубые полуботинки, чулки в резиночку... Но мы обе где-то нашли матросские воротники. На голове красовались венки из бумажных цветов, а сзади колыхались атласные ленты. И мы отплясывали матросское яблочко и украинский гопак, соединенные в один танец вместе с задорной русской пляской...

До слез смеялась радостно Александра Григорьевна: «Ах вы, мои фантазеры!». В тот день и час в школе нам было радостно, счастливо, весело. И Александра Григорьевна радовалась за нас, потому что мы на время забыли о голоде, о войне... А в те годы это редко бывало...

Как-то вечером я подралась с лучшим учеником школы Шуриком Шестаковым. Он был старше меня на 1 год. Что не поделили - не помню. Но Шурка схватил валявшийся на улице олений рог и ударил меня по голове. Кровь застелила мне глаза. Не помня себя, я схватила тот же рог и врезала Шурке. Куда - я не видела. Услышала лишь рев. Я попала ему ниже глаза. Нас отвели в больницу. Клавдия Федоровна, врач, перевязала, пожурела: «Ну вот, и у нас появились раненные бойцы», - шутили над нами. И мы смеялись в ответ. Наутро в школьном коридоре меня и Шурика остановила Александра Григорьевна. Она разглядывала нас без улыбки, словно мы были чужие. Неуютно, холодно было под этим взглядом.

- У вас же добрые сердца, - наконец сказала она. Помолчав, добавила:
- Научитесь словом убеждать, тогда не будете кровь проливать.

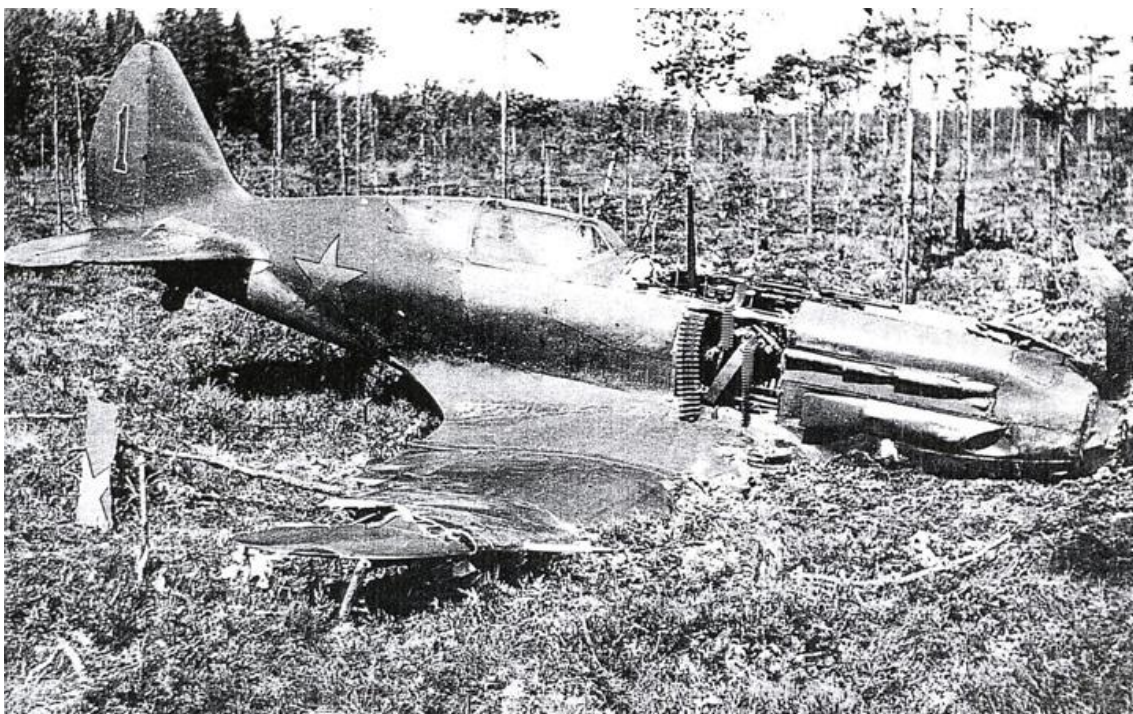
И прошла мимо нас в класс. Мы поплелись следом, каждый в свой класс. Александра Григорьевна читала сводку с фронта. В руках у нее была газета и листочек с записями. Она рассказывала о зверствах фашистов. И вдруг - взгляд в мою сторону, укоряющий взгляд. Мне хотелось закричать, что мы с Шуркой вовсе не такие, что мы просто немножко подрались, а убивать и вовсе не думали, что мы уже помирились...

А учительница уже рассказывала о фронтовых подвигах. «Полярная правда» - прочитала я название газеты. И мечтала: вот мы с Шуркой совершаем подвиг, и о нас написано в этой самой газете «Полярная правда».

А Шурик Шестаков совершил свой подвиг. Знала точно его учительница: у Александра Шестакова, ученика 4 класса, доброе сердце. Ночью загорелся барак. Мать была на дежурстве. Дома Шурик и два младших брата. Шура выбил окно и вытолкнул на снег братишку, полез в огонь за вторым. Но... рухнула крыша. Сгорели оба. Не рассказала об этом подвиге «Полярная правда»: на ее страницах шли вести с фронта. Быстро взрослеют дети во время войны... Жизнь учит.

*Сельская школа. 40-е годы.
(Фото из фондов архива МАГУ)*

*Подбитый немцами самолет после вынужденной посадки.
(Фото из фондов архива МАГУ)*

*Автор поэмы «Василий Теркин» А. Твардовский (справа) на фронте.
(Фото из фондов архива МАГУ)*

Вася Теркин. (Фото из фондов архива МАГУ)

*Василий Теркин. Иллюстрация к поэме. Художник О.Г. Верейский.
1943 год. (Фото из фондов архива МАГУ)*

ЖИЗНЬ УЧИТ

В годы войны я училась в Краснощелье. В сельской школе было четыре класса, а в пятый дети пешком шли в Ловозеро. Там и зимовали в интернате.

Однажды я пришла из школы. Мама на работе. Дома братик Леня. Ложимся с ним на пол около черного сундука. В сундуке - пайки хлеба. Он заперт на висячий замок. Но запах хлеба слышен. И мы нюхаем его.

Леня толкается. С моей стороны хлебный дух слышнее. Деремся. Пришла сестра Нина, нашла нас, помирила, покормила жидким супом, без хлеба. Леню положила спать, меня посадила за домашние школьные задания. Ушла.

А я побежала вверх по селу. Заглянула в один дом. Там обедают. Пригласили к столу - видимо, голодный блеск в глазах...

Дали жирную оленью кость с мясом. Управилась быстро, но кость не выпускаю, уйду с ней в руках. А хозяйка сует мне кружок замороженного молока - а может, застывшего оленьего сала. С добычей, счастливая, возвращаюсь домой. Там мама. Увидела, спрашивает: «Заработала? Ребятам задачи решала?». И улыбается. «Нет, я просто зашла, а они обедали...»

- «Значит, милостыню просила?»

Протягиваю добычу - а она не берет... «Нет, ты попрошайничала... А мы уж как-нибудь заработаем». Неделю лежал тот кружочек, никто не притронулся. Урок на всю жизнь.

А работать мама умела. Днем - на поле, на торфозаготовке, на сенокосе, в овощехранилище. Вечерами стирка. Ночью - стрекочет швейная машинка, обшивает все село. Не было того, чего эта машинка не умела делать: рубахи да брюки, платья да юбки, одеяла да ватники... Одна на все Краснощелье.

Мы работали. Заготовка кормов для скота. Сдашь норму - получи рабочую карточку. Увозят детей на лодках повыше села. Срезаем побеги берез, осин, рябинок. Кровавые мозоли от ножа. А собранная к вечеру вязанка до нормы недотягивает. Не было бы у меня рабочих карточек в то первое военное лето, если бы не бабушка. Управившись с домашними хлопотами, она уже в лес сбегала и грудку веток принесла.

Утром бунтую: «Руки болят, не пойду!». Бабушка: «Оставайся, обед готовь, а я в лес пойду! Вволю надышусь, на красоту лесную нагляжусь!». И начинает в лес собираться. Сон с меня слетает.

- Иди, работница!

А «работнице» семь лет.

Вечером дома посреди двора ворох веток.

Запах лесной. Всей семьей вокруг сидим, веники вяжем. Мама тихонько начинает свою любимую:

*На берегу сидит девица,
Она шелками шьет ковер.*

Голос у мамы сильный, русский. В Поное они с Федорой Семеновной Пироговой первыми певуньями слыли, призы получали. Задушевно поет мама. Сестра вторит:

*Работа чудная такая,
А шелку ей не достает.*

Бабушка тоненько-тоненько ведет по верхним нотам. А я в восторге вырываюсь громким выкриком:

Но тут на счастье парус вьется!

И плывет песня, плывет. За ней другая. За песней и дело сделалось само. Утром сдаем, норму выполнили, карточки рабочие получили все.

За рекой - поле капустное. По краям бочки врыты. Малыши из бочек лейками капусту поливают. Навозной водой - у корня лить, речной - все вокруг. А и сами мокрешеньки!

По осени убирали картофель, турнепс, репу, морковь, капусту. Потом сушили-перебирали в овощехранилище. Взрослые и дети вместе. Песни. Разговоры о войне, о голоде.

В десять лет я уже и косила - на сенокосах.

Заготовка дров. (Фото из фондов архива МАГУ)

В поле. (Фото из фондов архива МАГУ)

Помню, как 9 мая 1945 года мы сидели на уроке, а Александра Григорьевна пошла в колхозную контору за сводкой с фронта. В окно я увидела, как прошла она легким шагом по широкому школьному крыльцу к флагу, поправила древко, развернула полотнище. И... вытерла слезы на лице. Плачет... Я встревожилась, встала, подошла к окну и встретила с ее взглядом. Это были слезы счастья. «Победа!» - кричала она.

- Победа! - завопила и я.

Что тут началось! Мне поверили ребята, а тут и учительница в класс вошла:

- Дети! Праздник сегодня! Победа!!! Уроков не будет...

...Александра Григорьевна подарила мне свою фотографию с пожеланием: «Учись, овладевай знаниями. Они помогут тебе стать полезным человеком своего Отечества».

Я помнила об этом пожелании всегда. Александра Григорьевна своим примером научила нас быть на земле Человеком.

ПОБЕДА - ГЛАВНЫЙ ПРАЗДНИК ЖИЗНИ

Май. Берлин пал. Чувство приближающейся победы переполняло и наши детские сердца. Мы с нетерпением ожидали объявления об окончании войны. Сидели на уроках, сами боялись пропустить этот счастливый миг - объявление о победе. В коридоре второго этажа висело радио в виде большого колокола. И мы просили учителей отпустить с урока одного человека дежурить у радио, чтобы мы первые узнали о победе.

Ночью с 8 на 9 мая я учила по билетам зоологию. Окно было с улицы закрыто ставнями, но сквозь щели свет проникал в комнату, ближе к утру на улице было уже светло.

Вдруг в утренней тишине по радио застучал метроном (радио во время войны никогда не выключали). Я насторожилась. Предположение не обмануло меня. Я схватила карандаш и газету, что лежала на столе, чтобы записать сообщение.

- От Советского Информбюро... - читал торжественно Юрий Левитан.

Я стала записывать за ним. Прочитав сообщение до конца, диктор стал повторять его. Но я уже уловила его смысл и закричала родным:

- Просыпайтесь! Война окончилась!

Быстро оделась и выскочила на улицу. Люди куда-то бегут, обнимаются, целуются, плачут, поздравляют друг друга с ПОБЕДОЙ!

Мимо моего дома пробежала моя подруга с первого класса Варакина Ира, возбужденная, радостная, что-то крикнув мне на бегу. Многие бежали в порт. Там стихийно возник митинг.

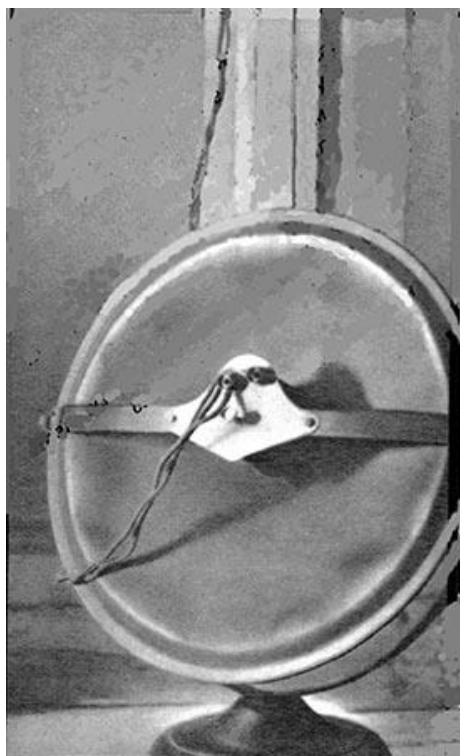
В этот день с раннего утра погода была прекрасная: яркое-яркое солнце, как будто сама природа ликovala вместе с нами!

На проспекте Сталина собралось много народу. Неожиданно стали строиться в колонну, и началась демонстрация. И я влилась в колонну, которая дви-

гальсась в сторону Пяти Углов. К полудню погода испортилась, повалил крупными хлопьями мокрый снег, но люди не расходились. У всех настроение было радостное. Не мешал и снег с дождем!

Мы были бесконечно рады и счастливы, что война наконец-то ОКОНЧИЛАСЬ! Вечером был салют!

Так я встретила ДЕНЬ ПОБЕДЫ!

*«Тарелка» - проводной громкоговоритель – главный транслятор радиопередач в годы войны.
(Фото из фондов архива МАГУ)*

Ю. Левитан, читавший сводки Совинформбюро во время Великой Отечественной войны. (Фото из фондов архива МАГУ)